

Ю. П. Князев (Санкт-Петербург)

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ И ГРАДУИРУЕМОСТЬ ПРИЗНАКА

Категория степеней сравнения характеризует степень интенсивности данного свойства – либо по отношению к тому же свойству другого объекта или всех объектов, мыслимых в данной ситуации, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени. Изменение по степеням сравнения наиболее характерно для качественных прилагательных и соотносительных с ними наречий на -о и безличных предикативов:

(1) *Ни Арсений, ни Амброджо не знали, что именно пили эти люди, только напиток не делал их **веселее*** [Е. Водолазкин. Лавр (2012)] – прилагательное;

(2) *Куда веселее и комфортнее он чувствовал себя в барах и клубах – порой даже более дорогих, но не требующих излишней чинности* [С. Лукьяненко. Ночной дозор (1998)] – наречие;

(3) *От беспорядка, который происходил по его вине в роте, было всем веселее* [О. Павлов. Казенная сказка (1993)] – безличный предикатив.

Для образования степеней сравнения, наряду с принципиальной возможностью количественной оценки различий между сравниваемыми объектами, необходима еще и «одномерность» этих различий: значение слова, оформленного показателем степени сравнения, должно однозначно задавать тот параметр, которому дается оценка. Таковы признаки, обозначаемые качественными прилагательными: размер, вес, форма и другие качества предмета, воспринимаемые органами чувств (*большой, высокий, узкий, прочный, тяжелый, темный, светлый, грязный, чистый, тихий, громкий*), качества характера и внутреннего склада (*добрый, умный, гордый, храбрый, щедрый, хитрый*), общая оценка и другие реакции субъекта на свойства предмета (*хороший, плохой, красивый, нужный, сложный, вредный*).

В противоположность качественным прилагательным, типичные существительные, такие как *стол* или *лес*, обозначают объекты, характеризующиеся целым комплексом разнородных свойств; ср. толкование основного значения слова *стол* в словаре Ушакова: ‘предмет домашней мебели, представляющий поверхность из досок (деревянных, мраморных и др.), укрепленных на одной или нескольких ножках и служащий для того, чтобы ставить или класть что-н. на него’. Неясно, на какую из этих характеристик мог бы ориентироваться морфологически возможный, но реально не употребляемый компаратив *столее*. По этой же причине затруднено образование степеней сравнения у относительных прилагательных, которые, в соответствии с распространенной точкой зрения, сохраняют лексическое значение исходного слова, но представляют его в виде значения признака предмета.

Кроме того, оценка степени интенсивности, лежащая в основе противопоставления по степеням сравнения, возможна только по отношению к изменяющемуся признаку, который допускает градуирование – упорядочение по нарастанию или убыванию. Как правило, такой признак задается не одиночным словом, а парой антонимов типа *большой – маленький, широкий – узкий, глубокий – мелкий, хороший – плохой, добрый – злой, дорогой – дешевый, умный – глупый, веселый –*

грустный и т. п., определяющими диапазон варьирования данного признака. Таким образом, признак, допускающий противопоставление степеней сравнения, по самой своей природе не имеет фиксированного абсолютного значения. Образование степеней сравнения предполагает, что соответствующий признак занимает некоторый диапазон, так что граница между *большим* и *маленьким*, *дорогим* и *дешевым*, *умным* и *глупым* устанавливается более или менее субъективно: то, что является широким для доски, не является таковым для стола, а то, что является широким для стола, не является широким для дороги.

Кроме того, используя такого рода прилагательные, говорящий опирается прежде всего на свой личный опыт, а такого рода оценки у разных людей очень часто не совпадают; ср. следующий показательный пример: (4) – *А мой шеф как раз во всяких таких делах, где не надо никаких усилий, но можно что-нибудь ловко спереть, большой мастер. Он из компании знаешь какие деньги уводит! – Большие?* – осведомился Иван. – *Я не знаю, что значит **большие** деньги в твоём понимании,* – быстро ответила Варвара, – *по моим представлениям – **большие**. Не тысячу долларов и не две* [Т. Устинова. Подруга особого назначения (2003)]. Такие качественные прилагательные, в самом значении которых содержится указание на градуируемость, можно назвать ингерентно градуируемыми.

Им противостоят качественные прилагательные, которые, как считается, обозначают абсолютные признаки, не зависящие от оценки говорящего и неспособные изменяться количественно. К ним относят прежде всего прилагательные цвета (*красный, синий, зеленый* т. п.) и прилагательные, обозначающие необладание признаком (или обладание «отрицательным» признаком; *глухой* ‘лишенный слуха’, *голый* ‘не имеющий на себе одежды’, *прямой* ‘не имеющий изгибов’, *пустой* ‘не заполненный ничем’, *чистый* ‘освобожденный от грязи, не имеющий на себе грязи’, *правильный* ‘не содержащий ошибок’ и др.

Очевидно, что отсутствие признака не может количественно изменяться. Тем не менее многие из этих прилагательных в процессе употребления могут подвергаться релятивизации и становиться градуируемыми: прямым можно назвать то, что все же имеет изгибы, хотя бы и малозаметные, а чистым – то, что не совсем чистое. Иначе говоря, отсутствие признака переосмысливается в этом случае как малое количество признака:

(5) Казаки сначала ездили в верховья Колымы кружным путем с низовьев Колымы на запад, в Зашиверск, оттуда вверх по Индигирке до Оймякона. Потом стали ездить **более прямой** дорогой через Верхне-Колымск, минуя Оймякон [С. В. Обручев. В неизведанные края. Путешествия на Север 1917–1930 гг. (1954)];

(6) И даже если точка зрения чиновника **правильная**, может быть, существуют еще **более правильные** точки зрения? Может быть, надо подискутировать, спросить, исследовать? Но у нас такого не бывает [М. Рубченко. Последний шанс империи (2004) // «Эксперт», 2004.12.20];

(7) Трясущимися руками сменил мятые спортивные штаны на другие, **более чистые** и нарядные, пригладил волосы и в проем открывшейся двери шагнул, поевживаясь и втягивая голову в плечи – словно припозднившийся курортник в остывающее сентябрьское море [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)].

Нечто подобное наблюдается и у прилагательных цвета. Их значение обычно описывается через отсылку к «эталонным» обладателям данного цвета: *белый* ‘цвета снега, молока, мела’ *красный* ‘цвета крови’, *зеленый* ‘цвета листвы или травы’, *черный* ‘цвета сажи, угля’, *голубой* ‘цвета неба’. Их изменение по степеням сравнения предполагает семантический сдвиг от совпадения к близости по цвету:

(8) Часовой заснет, а собака нет. Я любил Арса. К нашим солдатам ластится, а на афганских лает. У них форма была **более зеленая**, чем наша, наша желтоватая. Но как он различал? [С. Алексиевич. Цинковые мальчики (1984–1994)];

(9) Он принес ей сначала целую кучу мотылей – тонких червячков, **более красных**, чем ягоды лесного шиповника [Р. И. Фраерман. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви (1935–1940)];

(10) Не нужно наносить перламутровую помаду, если вы собрались фотографироваться: вспышка отразится в блестящей пленке помады и губы на снимке получатся бесцветными. Малиновые и сиреневые оттенки визуально делают зубы **более желтыми**, чем они есть, а коричневые тона, напротив, подчеркивают их белизну [А. Костина. Подарок от Ришелье (2002) // «Семейный доктор», 2002.10.15].

В подобных случаях можно говорить о «навязанной» или вторичной градуируемости.

«Навязанная» градуируемость возможна и у относительных прилагательных.

Она может опираться на некоторый мысленный образ, с которым сопоставляется описываемый предмет:

(11) *И затем, в Финляндии, оставшейся у нее в душе как что-то более русское, чем сама Россия, оттого, может быть, что деревянная дача и елки, и белая лодка на черном от хвойных отражений озере особенно замечались как русское, особенно ценились как что-то запретное по ту сторону Белоострова* [В. Набоков. Защита Лужина (1929–1930)];

(12) *Мне предложили прочесть сценарий по повести Константина Симонова «Записки Лопатина». Сценарий под названием «Двадцать дней без войны». Режиссер Алексей Герман. Полный молодой человек за тридцать, с детским лицом и еще более детской улыбкой, с ямочками на щеках. Суровость и жестокий реализм событий сценария никак не вязался с внешностью режиссера: вот уж к кому подходит поговорка «внешность обманчива»* [Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)].

В других случаях градуируемыми оказываются признаки, ассоциируемые с данным предметом. Так, детскость чаще всего ассоциируется с наивностью, легкомысленностью, неразумностью:

(13) *Их вера более детская, а значит, они и к Богу ближе. Многие из них на таком еще уровне развития находятся – детском. Они верят очень искренне* [М. Ахмедова. Место подвига // «Русский репортер», 2012];

(14) *И какую-то совсем детскую благодарность ощущал я к Экселенцу, который до последнего момента старался удержать меня на краю этой тайны. И какое-то еще более детское, почти капризное раздражение против него – за то, что он все-таки не удержал* [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Жук в муравейнике (1979)].

В качестве типично мужских качеств воспринимаются прежде всего сила, смелость и уверенность в себе:

(15) *Хотелось проявить себя в более мужском, достойном спортивной подготовки деле* [А. Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)];

(16) *Младший сын, трехлетний Саша, был ему гораздо милей своим набыченным бесстрашием и непробиваемым упрямством, обещававшим превратиться во что-то бесспорно более мужское, чем этот неуверенный в себе и болтливый, как девочка, первенец* [Л. Улицкая. Медя и ее дети (1996)];

(17) *Вам надо жить более мужской жизнью. Побольше нагрузок и посмелее* [С. Юрский. На дачах (1974–1983)].

В свою очередь, типично «женскими» считаются способность к состраданию, заботливость, теплота и эмоциональность:

(18) *Словом, я недооценил **женского гуманизма и способности к состраданию**. Женского сердца, одним словом. Хорош же я был, если она меня так пожалела, что даже простила!* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)];

(19) *Если вы будете воевать с глиной, то красоты не получится. Надо идти за формой. Глина подобна самой природе – а война с природой, как правило, не ведет к победе. Глина – материал изначально **более женский**, более спонтанный, допускающий исправления. Поэтому при создании керамических скульптур мышление художника более интуитивно, образно, эмоционально* [А. Гуляева. Восьмой день творения (2002) // «Ландшафтный дизайн», 2002.03.15];

(20) *⟨...⟩ симптоматично, что в качестве своего предтечи неореалисты в один голос называли **наиболее «женского»** из режиссеров России Марка Донского и его фильм «Радуга», запечатленный в киноистории кадрами вedomой по снегам на расстрел украинской мадонны Олены Костюк* [Д. Горелов. Баба и воз. К 60-летию неореализма стала очевидной его глубоко женская природа (2003) // «Известия», 2003.02.20].

Интересно, что, судя по данным Национального корпуса русского языка (откуда взяты и все остальные примеры), в английском языке – в отличие от русского – женщине чаще всего приписывается беспомощность и слабость, а идея защитника связывается с мужчиной.